

Неизвестное прошлое

СУДЬБА ФИЛОСОФА: МАКСИМ ЛАЗАРЕВИЧ ШИРВИНДТ (1893–1936)* Часть II

С.Н. КОРСАКОВ

Психолог

М.Л. Ширвиндт оставил заметный след в психологии начала 1930-х гг. Достаточно сказать, что его статья о фрейдизме была перепечатана спустя более шестидесяти лет уже в наше время в числе работ, исходных для понимания взаимоотношений психоанализа и русской мысли¹.

В 1930 г. под редакцией Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта вышел сборник «Основные течения современной психологии». В сборнике, кроме Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта, принимал участие Л.С. Выготский, написавший для него статьи о гештальтпсихологии и эйдетизме, а также известный специалист по психотехнике С.Г. Геллерштейн. Общая позиция авторов, заявленная в предисловии, заключалась в том, что «марксистской психологии, в подлинном смысле этого слова, пока еще нет, и ни одно из существующих в СССР направлений не имеет права присваивать себе подобное наименование»². Отсюда вытекало не только равноправие всех школ отечественной психологии, но и стремление абсорбировать все ценное и интересное, что могли дать разнообразные направления зарубежной психологии.

Сама постановка проблемы анализа теоретических основ ведущих психологических течений была обусловлена известной ситуацией общего кризиса в психологии 1920-х гг. На смену ограниченной в своих возможностях интроспекции пришли новые психологические методы, ставшие, как писал М.Л. Ширвиндт, «результатом открытия новых сторон в предмете. Но открывши их, психологи потеряли единство предмета. Единый целостный предмет был разъят на части, отдельные стороны выхвачены из общей связи и каждая сторона объявлена особым объектом»³.

Психология предстала совокупностью течений, каждое из которых абсолютизировало свой метод. Выявить рациональное зерно каждого из основных направлений психологии, определить его пределы применимости и собрать из этой мозаики целостную картину с помощью метода материалистической диалектики, было сверхзадачей авторов

* Начало см.: ФН. 2015. № 10.

книги. Только тогда, по их мнению, будет создана марксистская психология. По словам М.Л. Ширвиндта, «марксистская психология, основанная на применении методов материалистической диалектики к психической действительности, будет синтезом различных современных психологических направлений в том смысле, что она свяжет открытые ими факты единством подлинно научного метода, изучающего предмет во всей его многогранности»⁴. Вполне очевидно, что подобная методологическая открытость была несовместима с курсом сталинистов на изоляционизм советской науки.

Исходная установка книги на объективный анализ и внимание к положительным моментам основных течений психологии в полной мере реализована в двух статьях М.Л. Ширвиндта – о бихевиоризме и о фрейдизме⁵.

Обращение М.Л. Ширвиндта к изучению бихевиоризма естественно вытекало из его философских интересов. Ведь известно, что «прагматизм наряду с неореализмом явился философской подоплекой бихевиористской программы»⁶. Лучший знаток неореализма в советской философии не мог пройти мимо психологической теории, исходящей из этих философских идей. Основное внимание он сосредоточил на вышедшей в 1925 г. книге лидера этого психологического направления Дж. Уотсона – «Бихевиоризм».

Оговорив положительные стороны бихевиоризма, прежде всего его материалистический характер и применение биографического подхода к изучению личности, М.Л. Ширвиндт указал на основную черту методологии Дж. Уотсона – попытку построить новую науку, используя в качестве эталона метод более старой и более зрелой науки, в данном случае – биологии. Подобный подход неизбежно оборачивается сведением более сложных закономерностей к более простым и в итоге – устранением самого предмета исследования. В случае с бихевиоризмом такой жертвой оказалось понятие сознания, которое Дж. Уотсон к тому же отождествлял с мышлением вообще. Изучение поведенческих реакций человека рассматривалось в бихевиоризме как «универсальная отмычка», позволяющая не только раскрыть тайну человека, но и объяснить функционирование общества. При этом общество в духе представлений XVII–XVIII вв. мыслилось как простая сумма взаимодействующих индивидов.

Сравнив бихевиоризм Дж. Уотсона с рефлексологией В.М. Бехтерева, М.Л. Ширвиндт сделал вывод, что и с той и с другой позиции человек предстает физиологическим автоматом. Но «самая мысль сконструировать человека как физиологический автомат мешает понять индивидуальность»⁷. Бихевиористская модель «стимул – реакция» «превращает человека в машину, особым образом устроенную, способную к приобретению известных нужных для общества навыков»⁸. Дж. Уотсон подтверждал эту модель многочисленными эксперимента-

ми по прививанию, а затем по погашению привитых навыков. Именно здесь М.Л. Ширвиндт обнаруживает слабое место бихевиористской методологии. Искусственно привитые рефлексy нетрудно погасить, но когда рефлексy создаются вследствие влияния внешней социальной среды, процесс их формирования опосредован внутренними реакциями. Чтобы изучать их, необходимо отказаться от исходных принципов бихевиоризма, прежде всего — от запрета на исследование того, что испытывает субъект, его переживаний и убеждений. Вместе с тем прокламированное бихевиоризмом требование объективности изучения человека должно войти, считал М.Л. Ширвиндт, в арсенал научной психологии.

Тема психоанализа была одной из наиболее остро обсуждаемых в советской научной литературе 1920-х гг. Причем дискуссии эти велись главным образом в идеологической плоскости и вращались вокруг вопроса о совместимости фрейдизма с марксизмом⁹. К 1930 г., которым помечена статья М.Л. Ширвиндта, за вопросом о фрейдизме тянулся целый шлейф взаимных идеологических обвинений. М.Л. Ширвиндт опять сумел подойти к проблеме исключительно с профессиональных позиций, что не мешало ему при этом оценивать учение Фрейда в свете диалектического материализма.

В своей статье о психоанализе М.Л. Ширвиндт продемонстрировал как глубокое понимание предмета, так и блестящий литературный стиль: «Если бихевиорист в своем стремлении упростить человеческую личность превращает человека в автомат, то психоаналитики находят, что в автомате скрывается психически больной, — пишет автор. — В этом смысле Фрейда можно с полным правом назвать Достоевским современной психологии. Не потому ли психоанализ, замалчиваемый почти два десятилетия официальной наукой, покоряет теперь Европу и Америку?» Проблему Фрейда М.Л. Ширвиндт видит в том, что основатель психоанализа не понимает пределов применимости своего собственного метода, очень часто выходит за границы психологии и психиатрии, а «его философствующие ученики вспоминают о психиатрической клинике лишь для того, чтобы в мистическом экстазе засадить туда весь мир»¹⁰.

На общем фоне дискуссий 1920-х гг. необычен сам подход М.Л. Ширвиндта. Он сразу же отделяет бесплодные идеологические препирательства по поводу учения Фрейда от его действительного научно-философского анализа. М.Л. Ширвиндт несколько раз настойчиво подчеркивает практическую эффективность психоаналитических методик в психиатрическом лечении: «Если признать, что психоаналитическая терапия приводит во многих случаях к излечению, то нужно согласиться с тем, что психоаналитический опыт в известной степени правильно исследует реальность»¹¹. Больные получают исцеление, значит, психоаналитические практики позволяют

воздействовать на причины болезни, в том числе на физиологические процессы. «Отсюда следует, — делает неизбежный вывод М.Л. Ширвиндт, — что психоанализ как психиатрическая и психологическая теория не страдает идеализмом в вопросах, касающихся психофизиологической проблемы»¹². М.Л. Ширвиндт демонстрирует наивность многих критических публикаций, направленных против фрейдизма, непонимание их авторами теоретических проблем, возникающих при исследовании бессознательного, например, сложности отображения бессознательных процессов в понятиях нашего мышления. По поводу морализаторской критики некоторых идей фрейдизма, например об эдиповом комплексе, он замечает: «По существу критиковать “комплекс Эдипа” нельзя, не отрицая детской сексуальности. А ее признавать необходимо, если только мало-мальски считаться с фактами»¹³. Все это выглядело очень нетипичным на фоне рассуждений в советской научной публицистике тех лет о том, как комплекс Эдипа «служит буржуазии»¹⁴.

М.Л. Ширвиндт переводил вопрос в совершенно иную плоскость. Добросовестно изложив научные результаты фрейдизма, он обозначает свой подход так: «Задача материалиста-диалектика не в том, чтобы начисто отрицать фрейдизм — то было бы и слишком легко и слишком трудно. Задача в другом: показать с точки зрения диалектического материализма, каковы условия значимости психоаналитического метода и где границы его применения»¹⁵. По мнению М.Л. Ширвиндта, психоанализ ценен объективным методом познания субъективных переживаний, и научные моменты психоанализа вместе с бихевиоризмом и рефлексологией несомненно составят «основу будущего здания марксистской психологии»¹⁶. Основную ошибку фрейдизма, общую у него с бихевиоризмом, М.Л. Ширвиндт видит в «механистической концепции общества, согласно которой общество рассматривается как сумма людей»¹⁷ в духе «броуновской» модели общества, свойственной философии XVII–XVIII вв. В результате утрачивается социальное как особая реальность. Во фрейдизме это наиболее ярко проявляется в идее о том, что сублимация — основа человеческой культуры. Культура, система социальных норм и нравственных ценностей, становится чем-то внешним, чуждым человеку. Человек в своей творческой деятельности воспроизводит отчужденную реальность, а его «Я» приобретает самодовлеющий статус. По сути, М.Л. Ширвиндт взглянул на психоанализ с новой точки зрения, раскрыв его как самосознание отчужденного общества, преломленное в психике индивидов. Непонимание этого обстоятельства самим Фрейдом и его последователями приводило к трансформации экспериментально обоснованной рациональной теории в учение, мистифицирующее действительность. «Социологическая концепция Фрейда, — констатирует М.Л. Ширвиндт, — результат расширения им психоаналитического метода за пределы возможного его применения»¹⁸.

В 1930 г. М.Л. Ширвиндт выступил с докладом о психоанализе на Всесоюзном съезде по изучению поведения человека. Однако фрейдистские идеи не получили поддержки на съезде¹⁹. Позиция М.Л. Ширвиндта в этих условиях выглядела уже слишком либеральной.

М.Л. Ширвиндт считал, что «психоанализ дает нам ряд ценнейших указаний по вопросу о том, как надо изучать внутреннюю сторону человеческого поведения, бихевиоризм и рефлексология — исследуют его внешнюю сторону. Дialeктический материализм призван к тому, чтобы синтетически связать в одно целое различные методы изучения человеческой личности и построить единую науку о поведении человека»²⁰. Планам подлинно научного развития психологии в СССР не суждено было сбыться.

Весь первый номер журнала «Психология» за 1932 г. был посвящен разоблачению «меньшевиствующего идеализма» в психологии. Ф. Шемякин и Л. Гершонович в передовой статье заявили, что «деборинская группа и меньшевиствующие идеалисты-психологи» занимались профессиональным исследованием и научной критикой фрейдизма «вместо того, чтобы решительно ударить и беспощадно разоблачить воинствующий идеализм теории Фрейда, показать его смыкание с фашизирующей буржуазной наукой»²¹. Следом шла статья А. Таланкина, который, напомнив, что «деборинское философское руководство считало своим большим достижением проведение Всесоюзного съезда по изучению поведения человека в январе 1930 г.», полностью дезавуировал всю работу съезда. Неприемлемой была признана проводившаяся деборинцами на съезде «линия на синтез и примирение различных школ и течений вместо разоблачения их буржуазного характера»²².

Рецензия Ф. Музылева в том же номере журнала «Психология» имела задачей «разгромить» книгу «Основные течения современной психологии»²³. Книгу, редакторами которой были Б.А. Фингерт и М.Л. Ширвиндт, Ф. Музылев объявил «ярким проявлением меньшевиствующего идеализма на фронте психологии», который здесь «разоблачен» еще недостаточно в отличие от «философского фронта». Главным обвинением против «представителей деборинского философского руководства в психологии» было «непризнание ленинского принципа партийности теории». Правильная партийная психология не нуждалась в научном анализе западных теорий, который проводили деборинцы. Неудовольствие вызывало то, что деборинцы говорили «о психологии вообще, так как с точки зрения меньшевиствующего идеализма наука ведь стоит выше классовых интересов». В качестве примера подобного «объективизма» рецензент приводил высказывание «считающего себя марксистом» М.Л. Ширвиндта о том, что кризис психологии вызван уязвимостью применявшихся методов, а не «загниванием капиталистического общества». Это было названо рецензентом «либеральным отношением к критике буржуазных психологических теорий». «Марк-

систское утверждение о классовом характере науки для Ширвиндта верно лишь “до некоторой степени”», – писал Ф. Музылев.

Столь же порочным было объявлено стремление авторов книги формировать марксистскую психологию на основе объединения наиболее ценных идей основных течений, существующих в психологической науке (фрейдизма, рефлексологии, бихевиоризма, гештальтпсихологии). Особое раздражение борца «за большевизацию психологической науки» вызывали попытки М.Л. Ширвиндта использовать чисто научные стороны психоанализа, отделяя их от философских установок Фрейда.

Желание во что бы то ни стало найти отступления от марксизма у тех, кто глубоко верил в принципы марксистского учения и умело применял их при анализе философских и научных проблем, приводило охотников за «вредителями в науке» к нелепостям, невероятным по безграмотности. Рецензент утверждал, что применяемый Б.А. Фингертом и М.Л. Ширвиндтом принцип восхождения от абстрактного к конкретному «противоречит марксистско-ленинской теории познания» и называл его «известным тезисом меньшевистствующего идеализма». Вот так знали марксизм те, кто на протяжении десятилетий задавали тон в общественных науках после разгрома подлинной марксистской философии в 1930 г.

Рецензия Ф. Музылева завершалась недвусмысленным выводом: «Появление такой сугубо “беспартийной” книги, как сборник “Основные течения современной психологии”, заслуживающей самого сурового осуждения и отпора, лишний раз сигнализирует о недостатках работы на фронте психологии и указывает на необходимость усиления бдительности»²⁴. Так была насильственно прервана научная работа М.Л. Ширвиндта в области философских вопросов психологии.

Философ естествознания

Разносторонность научных интересов М.Л. Ширвиндта поражает. К какой бы области науки он ни обращался, он работал как профессионал, с глубоким пониманием ключевых проблем, от решения которых зависит продвижение познания вперед. В его публикациях нет даже тени дилетантизма, более того, его подходы часто оказывались ближе к истине, чем у тех, кто имел специальное образование и всю жизнь работал в данной области. М.Л. Ширвиндт проявил себя как выдающийся популяризатор естествознания. У него немного опубликованных работ, но качество их таково, что к ним и сегодня обращаются исследователи²⁵. Чтобы по достоинству оценить значение статей М.Л. Ширвиндта и почувствовать контекст времени, необходимо в двух словах обрисовать ситуацию в советской философии естествознания тех лет.

Механисты начисто отвергали новые научные направления: квантовую механику, теорию относительности и генетику, клеймили идеи

неклассической физики как махизм²⁶, называли их «чепухой»²⁷. Подобные оценки получали широкое распространение. Публицист «Нового мира» В.Е. Львов вообще объявлял А. Эйнштейна «прислужником поповщины»²⁸.

В ситуации огульного отрицания теории относительности сначала механистами, а затем сталинистами, особый интерес представляет позиция, занятая М.Л. Ширвиндтом²⁹. Его статья «Теория относительности» в журнале «Человек и природа» была приурочена к пятидесятилетию со дня рождения А. Эйнштейна (1929). Статью М.Л. Ширвиндта отличает полное отсутствие идеологического подхода. В ней совершенно нет типичных для публикаций того времени попыток стать в позу судьи, который оценивает, где великий физик «оступился», и чего «недопонял». М.Л. Ширвиндт в самом начале статьи называет теорию Эйнштейна «одной из величайших революций в нашем понимании пространства, времени и движения»³⁰.

М.Л. Ширвиндт обнаруживает удивительную глубину понимания физических следствий теории относительности. В 1920-е гг. представление об «эфире» как якобы среде-носителе электромагнитных волн еще было общераспространенным среди многих физиков. М.Л. Ширвиндт же делает неизбежный вывод из теории Эйнштейна: «Следовательно, существование привилегированной системы отсчета — абсолютного пространства и времени неподвижного эфира — ничем не оправдывается»³¹. В этом вопросе М.Л. Ширвиндт опережает физические представления своего времени.

Работа М.Л. Ширвиндта была одной из первых, где была дана материалистическая интерпретация теории относительности. Он показал, что идея единого пространственно-временного континуума восстанавливает связь между пространством, временем и движением, разорванную классической механикой, и подтверждает положение диалектического материализма о том, что пространство и время — необходимые формы существования движущейся материи, а энергия и масса являются двумя сторонами единой сущности — материи.

М.Л. Ширвиндту не составило труда объяснить несостоятельность утверждений как критиков, так и сторонников теории Эйнштейна о ее идеалистическом характере и субъективизме, выражающемся будто бы в равноправности всех систем отсчета. Субъективность пространственно-временных измерений является, с точки зрения специальной теории относительности, лишь обратной стороной постоянства скорости света. Кроме того, общая теория относительности признает наличие объективного интервала. Рассматривая вопрос о дискретности, либо непрерывности материи в свете теории относительности, М.Л. Ширвиндт не приходит к окончательным выводам в силу неготовности к этому науки своего времени, но дает философскую оценку, которую современная наука всецело подтвердила: «Материя в более широком,

философском смысле этого слова, является синтезом прерывности и непрерывности». Совершенно прав М.Л. Ширвиндт и когда, опережая свое время, говорит о непротиворечивости общей теории относительности и концепции бесконечности мира. В настоящее время идея бесконечности мира и вечности его существования находит обоснование в таких новых теориях как инфляционная космология и концепция мультиверс (не универс), т.е концепция множественности вселенных.

Значение статьи М.Л. Ширвиндта в том, что он применяет в ней принцип: разделять научную теорию и ее философские интерпретации. М.Л. Ширвиндт предупреждал: «Плох тот материалист, который, основываясь на своих механистических предрассудках, отдает принцип относительности, завоевавший всю современную физику и астрономию, идеалистам. Попытка идеалистов притянуть за волосы теорию Эйнштейна для доказательства правильности своих взглядов явно обречена на неудачу. Удивительно, что некоторые материалисты этого не понимают»³². К сожалению, «философы», пришедшие на смену уничтоженным диалектикам и выступавшие в годы сталинизма от имени диалектического материализма, не только плохо знали современное естествознание, но, самое главное, не понимали сам диалектический материализм, которым клялись, и которым кляли.

М.Л. Ширвиндт выступал и как автор предисловий к переводам научно-популярных книг выдающихся ученых. Причем предисловия писались им по прочтении оригинального текста, а не перевода. Предисловия эти отличает тот литературный блеск, что присущ и другим работам М.Л. Ширвиндта.

В 1929 г. с его предисловием вышла «Анатомия науки» Г.Н. Льюиса, крупного американского физико-химика, введшего термин «фотон», впервые получившего тяжелую воду и выделившего из нее дейтерий³³. М.Л. Ширвиндт с его умением чувствовать в работах выдающихся естествоиспытателей перспективные идеи, важные для последующего развития науки, сразу же выделил главное: обратил внимание на поиски Г.Н. Льюисом «общего принципа, объединяющего поле тяготения и электромагнитное поле»³⁴. Попыткам построить единую теорию поля посвятил, как известно, последние десятилетия своей жизни А. Эйнштейн. М.Л. Ширвиндт сумел уловить у Г.Н. Льюиса то, что представляет собой главную задачу и магистральное направление развития современного естествознания.

Особый интерес представляет предисловие М.Л. Ширвиндта к переведенной в 1932 г. книге Дж.Х. Джинса «Вселенная вокруг нас»³⁵. Выдающийся английский астрофизик Дж.Х. Джинс фигурировал в советской научной печати в качестве яркого примера «физического идеалиста». Биограф Джинса А.В. Козенко отмечает, что М.Л. Ширвиндту в его предисловии удалось дать справедливую оценку идей автора с позиций материалистической диалектики³⁶.

Предисловие М.Л. Ширвиндта совершенно лишено идеологических оценок и представляет собой профессиональный анализ научных идей и мировоззренческих обобщений английского ученого. М.Л. Ширвиндт опять сумел сразу же выделить у рецензируемого автора перспективную идею, важную для развития науки уже в наши дни: принцип единства земной и космической физики. Вместе с тем он не согласился с Джинсом, когда тот в духе энергетизма рассматривал материю как форму энергии и допускал возможность «исчезновения» материи. Обратив внимание на то, что энергия обладает массой и весом, М.Л. Ширвиндт указывал, что масса и энергия – два связанных качества единой материи. Он проявил, таким образом, глубокое понимание принципа эквивалентности массы и энергии: «Загадочное “уничтожение” вещества представляет собой, следовательно, процесс превращения одной формы материи в другую форму, с иным пространственным распределением энергии и массы»³⁷.

В одной из своих работ М.Л. Ширвиндт высказался и по поводу картины мира, которую рисовал другой выдающийся английский астрофизик А.С. Эддингтон. Прочитав откровенно мистические места из книги Эддингтона «Природа физического знания», он сразу же отметил, что причины подобных идеалистических выводов автора из данных современной науки заключаются не столько в личной религиозности Эддингтона или влиянии «буржуазных предрассудков». Причина в том, что современная физика вскрывает внутреннюю противоречивость физических процессов, что требует применения не только формальной, но и диалектической логики. Прежние механистические подходы перестают работать, и это склоняет некоторых физиков к идеалистическим оценкам. «Например, физик привык считать необходимость и случайность абсолютными противоположностями. Современная же физика показывает, что случайность – момент необходимости, необходимость же, в свою очередь, складывается из случайностей. Как тут не звать к идеализму, мистике, религии!»³⁸ Предоставленная самой себе, наука не может быть гарантирована от идеалистических и религиозных интерпретаций.

М.Л. Ширвиндт принял участие в проходивших в 1930-е гг. дискуссиях по проблеме эфира, которые инициировал академик В.Ф. Миткевич. Он не мог примириться с мыслью, что никакой универсальной среды, являющейся будто бы промежуточным звеном и носителем электрического и магнитного полей – нет. Первая дискуссия о природе электромагнитных явлений и наличии эфира прошла по инициативе В.Ф. Миткевича в Ленинградском политехническом институте. Состоялось три диспута: 13 декабря 1929 г., 3 января и 14 марта 1930 г. Материалы дискуссии печатал журнал «Электричество»³⁹. Тогда же они были опубликованы отдельной книгой под названием «Природа электрического тока»⁴⁰. В предисловии «От редакции» говорилось, что

большинство современных физиков разделяет ту точку зрения, что физические тела взаимодействуют без участия какой-либо промежуточной среды, но есть группа физиков, которая постулирует такую среду. Эту позицию в ходе диспутов отстаивал В.Ф. Миткевич. Его основным оппонентом выступал Я.И. Френкель. Председательствовал на дискуссии А.Ф. Иоффе, мягко назвавший точку зрения, которую излагал Я.И. Френкель, «наиболее привычной в современной физике». Для участия в дискуссии были приглашены и выступили такие крупные ученые, как Я.Г. Дорфман, В.К. Лебединский, Д.А. Рожанский, вновь приехавший в Россию П.С. Эренфест и др. От философов планировалось выступление Б.М. Гессена, но он не приехал и вместо него в первом диспуте выступала Т.Н. Горнштейн. Во втором диспуте выступил М.Л. Ширвиндт⁴¹. Он отметил, что этот спор наглядно показывает, как физик вынужден обращаться к философии, когда он начинает размышлять над основами своей науки. Причину спора он справедливо усмотрел в том, что «для современной физической теории типично сочетание мощной и богатой математической формулы с беспомощной и бедной моделью»⁴². Поэтому, считал М.Л. Ширвиндт, спор В.Ф. Миткевича и Я.И. Френкеля приобретает специфический гносеологический интерес.

Вновь свои «Вопросы» академик В.Ф. Миткевич сформулировал в 1933 г. в периодическом издании Ленинградского электромеханического института⁴³. На «Вопросы» академика В.Ф. Миткевича откликнулся М.Л. Ширвиндт⁴⁴. М.Л. Ширвиндт отметил некорректность формулировок ряда поставленных В.Ф. Миткевичем вопросов, дал более глубокое в сравнении с ним понимание энергии — как результата взаиморасположения и взаимодействия тел. Что же касается главного вопроса — об эфире, М.Л. Ширвиндт высказался вполне определенно: «Академик Миткевич борется против идеализма в физике, но борется с механистических позиций, ослабляя этим свою ценную и нужную критику физического идеализма. Среди вопросов, поставленных академиком Миткевичем, нет основного и решающего вопроса — о характере среды — передатчика энергии. Механический эфир похоронен теорией относительности и механические модели процессов, происходящих в эфире, могут только дискредитировать материализм»⁴⁵. Он призвал признать те колоссальные трудности, которые предстоит преодолеть, чтобы дать материалистическую интерпретацию, адекватную новым открытиям естествознания.

В.Ф. Миткевич в статье по поводу ответов М.Л. Ширвиндта фактически был вынужден признать, что сам не имеет четких представлений о свойствах передающей среды, хотя настаивает на ее существовании: «Вопрос о свойствах эфира является еще величайшей загадкой»⁴⁶. Однако нельзя вводить среду, не определив ее свойства и параметры их измерений. В методологическом отношении подход М.Л. Ширвиндта более правилен.

Особенность ситуации с дискуссиями вокруг проблемы эфира состояла в том, что борьбу В.Ф. Миткевича с «физическим идеализмом» активно поддерживали в то время философы-сталинисты. А.А. Максимов со страниц журнала «Под знаменем марксизма» утверждал, что В.Ф. Миткевич правильно «сигнализирует», что «среди наших ведущих теоретиков-физиков имеет распространение идеалистическая философия, импортируемая из стран, где господствует буржуазия»⁴⁷. Редколлегия «Под знаменем марксизма» в № 6 за 1933 г. даже сделала специальное заявление о том, «что неустанная защита академиком В.Ф. Миткевичем объективной реальности процессов в электромагнитном поле является борьбой за основы научного материалистического понимания природных явлений»⁴⁸.

В.Е. Львов на страницах «Нового мира» воспевал В.Ф. Миткевича как «застрельщика прогрессивной борьбы» с «чудовищным идеалистическим абсурдом, молчаливо принятым в обширных научных кругах в СССР и за рубежом»⁴⁹. Особенное мужество понадобилось В.Ф. Миткевичу, по словам В.Е. Львова, потому, что он начал борьбу за эфир, когда «тогдашняя группировка меньшевистствующего идеализма практиковала гнило-либеральное невмешательство во внутренние дела физики»⁵⁰ и не собиралась навязывать физикам представления прошлых веков, выдавая их за диалектический материализм. Об уровне ведения полемики свидетельствует, например, следующий пассаж из статьи В.Е. Львова: если эфира не существует, «на чем в таком случае “держатся” электромагнитные силы; ведь не может же пустота быть источником силы, заставляющей электроны бегать взад и вперед по приемнику»⁵¹. «Как долго могла продержаться величайшая фальсификация, связанная с устранением эфира! — негодовал Львов. — Как долго могла быть принимаема эта фальсификация в стране воинствующего материализма в условиях развертывания советской, диалектико-материалистической науки о природе!»⁵²

На фоне такой атмосферы позиция М.Л. Ширвиндта требовала подлинного мужества. Находясь на уровне науки своего времени, М.Л. Ширвиндт сумел выявить главнейшие методологические принципы современного ему естествознания, глубоко постичь философские основы науки и указать ведущие тенденции ее развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Ширвиндт М.Л. Психоанализ // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. — М., 1994. С. 347–361.

² Основные течения современной психологии. — М.; Л., 1930. С. 3–4.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Ширвиндт М.Л. Психоанализ // Основные течения современной психологии. — М.; Л., 1930. С. 126–151; Бихевиоризм Уотсона // Там же. С. 153–177.

⁶ Ярошевский М.Г. История психологии. — М., 1976. С. 338.

- ⁷ Основные течения современной психологии. С. 174.
- ⁸ Там же. С. 173.
- ⁹ Пружинина А.А., Пружинин Б.И. Из истории отечественного психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 87–108.
- ¹⁰ Основные течения современной психологии. С. 130.
- ¹¹ Там же. С. 131.
- ¹² Там же. С. 130.
- ¹³ Там же. С. 144.
- ¹⁴ См., напр.: Винников И.Н. Комплекс Эдипа на службе у буржуазии // Проблемы марксизма. 1931. 5–6. С. 251–253.
- ¹⁵ Основные течения современной психологии. С. 128.
- ¹⁶ Там же. С. 151.
- ¹⁷ Там же. С. 149.
- ¹⁸ Там же. С. 151.
- ¹⁹ Человек и природа. 1930. № 4. С. 47–49.
- ²⁰ Основные течения современной психологии. С. 152.
- ²¹ Психология. 1932. № 1–2. С. 8–9.
- ²² Там же. С. 39.
- ²³ См.: Музылев Ф. Против меньшевистствующего идеализма в психологии // Психология. 1932. № 1–2. С. 225–228.
- ²⁴ Там же. С. 228.
- ²⁵ См.: Козенко А.В. Джеймс Хопвуд Джинс (1877–1946). – М., 1985.
- ²⁶ Мы не имеем в виду здесь работы С.Ю. Семковского и С.Ф. Васильева, которых к механистам можно относить весьма условно. К костяку этого течения они не примыкали.
- ²⁷ Современные проблемы философии марксизма. – М., 1930. С. 85.
- ²⁸ Львов В.Е. Альберт Эйнштейн в союзе с религией // Новый мир. 1931. № 10. С. 186–197.
- ²⁹ См.: Ширвиндт М.Л. Теория относительности (К пятидесятилетию со дня рождения Альберта Эйнштейна) // Человек и природа. 1929. № 7. С. 3–9.
- ³⁰ Там же. С. 3.
- ³¹ Там же. С. 6.
- ³² Там же. С. 8.
- ³³ См.: Ширвиндт М.Л. Предисловие // Льюис Г.Н. Анатомия науки. – М.; Л., 1929. С. 3–8.
- ³⁴ Там же. С. 4.
- ³⁵ Ширвиндт М.Л. Предисловие // Джинс Дж.Х. Вселенная вокруг нас. – Л.; М., 1932. С. 5–10.
- ³⁶ См.: Козенко А.В. Джеймс Хопвуд Джинс (1877–1946).
- ³⁷ Ширвиндт М.Л. Предисловие // Джинс Дж.Х. Вселенная вокруг нас. С. 8.
- ³⁸ Ширвиндт М.Л. Идеалистическая философия и религия // Человек и природа. 1930. № 8. С. 12.
- ³⁹ Электричество. 1930. № 3, 8, 10. Выступление М.Л. Ширвиндта опубликовано в № 8. С. 348–349.

⁴⁰ Природа электрического тока. – М.; Л., 1930.

⁴¹ Там же. С. 96–99.

⁴² Там же. С. 97.

⁴³ Десять вопросов академика В.Ф. Миткевича // Сб. Ленинградского электромеханического института. Вып. 1 (2). – Л., 1933. С. 7–8.

⁴⁴ *Ширвиндт М.Л.* Ответы на вопросы академика В.Ф. Миткевича // Сб. Ленинградского электромеханического института. С. 8–9.

⁴⁵ Там же. С. 9.

⁴⁶ Миткевич В.Ф. Об ответах М.Л. Ширвиндта и Ю.П. Шейна по поводу десяти вопросов // Сборник Ленинградского электромеханического института. – Л., 1934. Вып. 1 (3). С. 6.

⁴⁷ *Максимов А.А.* О философских воззрениях акад. В.Ф. Миткевича и о путях развития советской физики // Под знаменем марксизма. 1937. № 7. С. 43.

⁴⁸ От редакции // Под знаменем марксизма. 1933. № 6. С. 278.

⁴⁹ *Львов В.Е.* Спор об эфире // Новый мир. 1934. № 10. С. 229.

⁵⁰ Там же. С. 215.

⁵¹ Там же. С. 209.

⁵² Там же. С. 215.

Окончание следует